ДЖЕК
АЛТАУЗЕН

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

1936
ГОСЛИТИЗДАТ

ГОСЛИТИЗДАТ

БИБЛИОТЕКА
СОВРЕМЕННЫХ
ПОЭТОВ

Дж. АЛТАУЗЕН

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА / 1936

Джек Алтаузен

В ДЫМУ И СЛАВЕ

ЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА

Как на той могиле
Птицы гнезда вили...
Жили два товарища,
Жили — не тужили.

И врагам на зависть
Так, бывало, знались,
Что под ними, удалыми,
Кони целовались.

Оба молодые,
Ладные, литые,
Попадали из винтовок
В капли дождевые.

Старший был Степаном,
Младший был Иваном, —
Обрастает их могила
Трын-травой бурьяном.

Вьюга завывает,
Ничего не знает —
Атаман Семенов с бандой
Вьюгу обгоняет.

Конный или пеший
В схватке не опешит,
Хвастает, что комиссару
Саблей гроб обтешет.

А за ним бандиты —
Скулы набок сбиты,
Пулеметными крест-накрест
Лентами обвиты.

До бровей папахи.
Кони мчат, как птахи,
Ноздри к небу поднимают,
Приседают в страхе.

. . . .

Говорят Ивану,
Говорят Степану:
— Пусть в атаке продырявят
Сердце партизану.

Партизаны знают,
За что умирают.
Пусть на ягодицах ваших
Звезды вырезают.

Вам прикладом, может,
Кости потревожат,
Со свечой в руке в могилу
Умирать положат.

Будьте крепче стали,
Чтобы не сказали.
Что вы с дрожью перед дулом
Сапоги снимали.

. . . .

Ни озер, ни просек.
Кони влаги просят.
Бороду у начотряда
За плечо относит.

Он стоит на бочке
В байковой сорочке,
В почерневших клочьях дыма,
В пулеметной строчке.

Говорит Ивану,
Говорит Степану:
— Поезжайте вы, ребята,
В банду к атаману.

Что бояться мрази —
Не сыграть вам разе
Двух отпетых колчаковцев,
Присланных для связи!

Мол, правитель омский
Бредит о знакомстве, —
А попутно подсчитайте
Весь состав их конский.

. . . .

Кружится над долом
Птица с клювом голым.
Перекрестит высь крылами,
Каркнет черным горлом.

У манчжурских склонов
Ни берез, ни кленов.
Выходил гостям навстречу
Атаман Семенов.

— Лишь жиды да ходи [1]
В партизанах ходят! —
Он с Ивана на Степана
Взоры переводит.

— Режем их немало
На свечное сало. —

---

[1] Китайцы.

Припоясанная сабля
Ступеньки считала.

— Волки или овцы,
Кто вы? — Колчаковцы!
— Из какой породы будут
Ваши иноходцы?

— Породы бурятской,
Дешевой, батрацкой.
— Как сюда вы пробирались,
Расскажите, братцы.

— Где турой, где пешкой,
Где орлом, где решкой, —
Отвечал Иван, нагайкой
Играя с усмешкой.

— Где овцой, где волком,
Где к траве, где к елкам, —
Отвечал Степан, руками
Управляя с толком.

Ловко напирали,
Без запинки врали:
Дескать, чехи комиссаров
Чешут на Урале.

Как врагов смертельных,
К земле — безземельных

Прикрепляют пулеметы
На правах артельных.

Мужики с запросом
По степным откосам,
По путевке из винтовки —
Землю пашут носом.

Пашут дни и ночи.
Гром вверху грохочет,
Будто букву «р» получше
Выговорить хочет.

— Вам правитель омский
Титул шлет баронский.

. . . .

Карлик с круглыми очками,
Человек японский,

Вырос перед ними,
С выпуклыми, злыми,
Блещущими от улыбки
Зубами сплошными.

Смотрит на Ивана,
Смотрит на Степана,
Чешет кончиками пальцев
Лоб, как обезьяна.

Будто их не слышит,
Будто сам не дышит,
Что-то кисточкою в книжке
Черной тушью пишет.

Не добиться воли
Забайкальской голи!
— У меня, — сказал Семенов, —
Штык японский в доле.

Серые от пыли
Журавли проплыли.
Жили два товарища,
Жили — не тужили.

Молодые оба,
Коммунисты оба,
Черный уголь на Сучане
Их сроднил до гроба.

Там, в подземном гуле,
Вместе спины гнули,
А сейчас они спокойно
Отливают пули.

На виду у вора,
Не потупив взора,
Двух играли колчаковцев
Два простых шахтера.

Ели, пили сытно,
Действовали слитно,
Всю Даурию водили
За нос знаменито.

Что доступно глазу,
Уяснили сразу:
Как отряду будет лучше
Подобраться к лазу[1].

Где и в чем нехватка,
Действовали гладко,
Но в последнюю минуту
Вышла вдруг накладка.

На весенней рани
Сопки спят в тумане...
Им приспичило помыться
В офицерской бане.

Злая вошь заела,
Заржавело тело,
Горькой пылью пропиталось,
Потом прокипело.

Шайки в пенном мыле
Перед ними плыли...

---

[1] **Лаз** — место выхода зверя.

На минуту партизаны
Жизнь свою забыли.

Где росли, где спали,
Как им на привале
Два матроса с «Громобоя»
Грудь разрисовали.

Инструмент браточка —
Игла и примочка...
Во второй воде помылись,
А на третьей — точка.

Гул раздался лютый,
Голые малюты
Видят грудь в татуировке,
Надпись «От Анюты».

А над нею томный
Василек альбомный,
Стебельком витиеватым
В букву «А» вплетенный.

И, тонкоголовый,
Крылья взмыть готовый,
С голубым конвертом в клюве
Голубок почтовый.

Он летит с Имана
Через грудь Ивана.

Вдруг бандиты переводят
Взоры на Степана.

Гул раздался снова,
А из голубого,
А из четкого пунктира
Возникал сурово

На груди Степана
Крупно, как с экрана,
Грозный Ленин у штурвала
В форме капитана.

. . . . . .

На весенней рани
Сопки спят в тумане...
Расстреляли двух шахтеров
Возле самой бани.

Вскинули винтовки,
И без остановки
Кровь струею побежала
По татуировке.

Красит красным цветом
Грудь с цветком заветным...
Пуля их поцеловала
Поцелуем смертным.

И, врагам в угоду,
В ясную погоду

Два товарища упали
Головой к восходу.

Сдвинутые брови,
С верностью сыновьей
Полыхал у них на шее
Свежий галстук крови.

. . . .

Дует ветер с юга,
Я, моя подруга,
Песню спел о том, как жили
На земле два друга.

Знают: колос сочный,
Шилки берег прочный,
Забайкалье, Приамурье,
Край Дальневосточный

Песню про Степана,
Песню про Ивана...
Распевает эту песню
На плотах Имана,

На горах Алтая
Наша молодая,
Отвоеванная кровью
Сторона родная.

1935

Иосифу Уткину

БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ

Домой привез меня баркас.
Дудил пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас,
Один вхожу я на порог.

Сестра в изодранном платке
И мать, ослепшая от слез,
В моем походном котелке
Я ничего вам не привез.

Скажи мне, мать, который час,
Который день, который год?
Четыре брата было нас,
Кто уцелел от непогод?

Один любил мерцанье звезд,
Чудак, до самой седины.
Всю жизнь считал он, сколько верст
От Павлограда до луны.

А сосчитать и не сумел,
Не слышал, цифры бороздя,
Как мир за окнами шумел
И освежался от дождя.

Мы не жалели наших лбов.
Он мудрецом хотел прослыть.
Хотел в Калугу и Тамбов
Через Австралию проплыть.

На жеребцах со всех сторон
Неслись мы под гору, пыля;
Под головешками ворон
В садах ломились тополя.

Встань, Запорожье, сдуй золу!
Мы спали в яворах твоих.
Была привязана к седлу
Буханка хлеба на троих.

А он следил за пылью звезд,
Не слышал шторма и волны,
Всю жизнь считая, сколько верст
От Павлограда до луны.

Сквозной дымился небосклон, —
Он версты множил на листе,
И, как ни множил, умер он
Всего на тысячной версте.

Второй мне брат был в детстве мил.
Не плачь, сестра, утешься, мать!
Когда-то я его учил
Из сабли искры высекать...

Он был пастух, он пас коров,
Потом пастуший рог разбил,
Стал юнкером, —
Из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил.

За Чертороем и Десной
Я трижды падал с крутизны,
Чтоб брат качался под сосной
С лицом смертельной желтизны.

Нас годы сделали грубей:
Он захрипел, я сел в седло,
И ожерелье голубей
Над ним в лазури протекло.

А третий брат был рыбаком.
Любил он мирные слова,
Но загорелым кулаком
Мог зубы вышибить у льва.

В садах гнездились лишаи.
Деревни гибли от огня.
Не счистив рыбьей чешуи,
Вскочил он ночью на коня.

Вскочил и прыгнул через Дон.
Кто носит шрамы и рубцы,
Того под стаями ворон
Выносят смело жеребцы.

Но под Варшавою в дыму
У шашки выгнулись края.
И в ноздри хлынула ему
Дурная, теплая струя.

Домой привез меня баркас,
Гремел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас,
Один вхожу я на порог.

Вхожу в обмотках и в пыли
И мну буденновку в руке,
И загорелые легли
Четыре шрама на щеке.

Взлетают птицы с проводов,
Пять лет не слазил я с седла,
Чтобы республика садов
Еще пышнее расцвела.

За Ладогою, за Двиной
Я был без хлеба, без воды,
Чтобы в республике родной
Набухли свежие плоды.

И если кликнут, я опять
С наганом встану у костра.
И обняла слепая мать,
И руку подала сестра.

1928

У СТУДЕНОГО КОЛОДЦА

Там, где песня плавно льется,
Будит давние дела,
У студеного колодца
Баба сына родила.

По тропинке, через поле
Видел ельник молодой,
Как сама она в подоле
Понесла его домой.

В два окна стоит без тына
На краю деревни дом...
Поглядел отец на сына,
Вытер слезы рукавом.

И закрыл глаза устало,
Ничего не произнес,
Только из-под одеяла
Острый высунулся нос.

И уже ни стон, ни кашель
Грудь ему не волновал,
На столе, где ел он кашу,
Желтый гроб его стоял.

Мужики топтались в сенцах,
Работящий, дескать, был...
На соседских полотенцах
Он по воздуху поплыл.

Словно горькую рябину
Слезы чувствуя во рту,
Наклонялась баба к сыну,
Целовала сироту.

За троих она косила,
Чтобы рос он без отца.
И угасла бабья сила,
Красота сошла с лица.

Отстрадала, отболела,
Отработала свой срок,
На прощание одела
В райских яблоках платок.

Журавли по небу плыли,
Тучи шли из разных мест,
И на свежей на могиле
Встал, раскинув руки, крест.

Там, где песня плавно льется,
Будит давние дела,
У студеного колодца
Баба сына родила.

В Забайкалье забубенном,
Где в степях во все концы
Рассыпаются со звоном
Мелким смехом бубенцы.

В черной пади под Читою.
Возле талых луговин
Бесприютным сиротою
Белозубый вырос сын.

Крепко слаженный и слитый,
Черноглазый и большой,
Вырос парень знаменитый,
Весь пропахший черемшой.

С волчьей шапкой на затылке,
В полный рост, такой как был.
Он гонял плоты по Шилке,
Пас коней и белок бил.

А когда разгулом пьяным
Охватил полнеба пал,
Заангарским партизаном
Он один из первых стал.

По степному суховею.
Через вызревший овес
Конь, закинув резво шею,
В смертный бой его понес...

Там, где песня плавно льется,
Будит давние дела,
У студеного колодца
Баба сына родила.

Много звезд взошло над миром,
Много кануло годин,
Большевистским командиром
Белозубый вырос сын.

Солнце светит над отрядом,
Степь от зноя замерла.
Командир спокойным взглядом
Озирает даль с седла.

Ни дождя, ни ветродува.
Птицы мчат со всех концов
Ключевой водой из клюва
Напоить скорей бойцов.

После боя им в усладу
Сон под небом голубым.
Стая ласточек прохладу
Навевает мирно им.

Вдруг, взметнув свои знамена.
Пыль подняв до облаков,
Шайка Унгерна барона,
Сея быстрый блеск подков,

По богульнику промчала,
Словно чуя славный пир.
Но бойцов своих с привала
Поднял к бою командир.

Он сказал: «Вперед без страха,
Мы попали в западню,
Вышибай врага с размаха
Прямо на уши коню.

Окружил нас волчьей сворой
Унгерн, бешеный барон,
Обошел нас вор, который
На монгольский метит трон...»

Не найти в дыму дорогу, —
Слева дождь свинцовый льет,
На седьмое небо к богу
Шлет депеши пулемет.

Справа конница барона,
Бурю кличут бегунцы.
До последнего патрона
Бились красные бойцы.

С четырех сторон их сжали,
А когда огонь утих,
На земле они лежали,
Стужей веяло от них.

Лишь один, летя по скату,
Командир, глотая дым,
Не успел взорвать гранату
И попал к врагу живым.

Там, где песня плавно льется,
Будит давние дела,
У студеного колодца
Баба сына родила.

Много звезд погасло тлея.
Много кануло годин.
В лапы Унгерна-злодея
Под Ургой[1] попался сын.

Ходит слава по дорогам,
Будто Унгерн, злой барон,
Хочет стать монгольским богом,
Даже спит в дацане[2] он.

---

[1] **Урга** — бывшее название столицы Монголии.
[2] **Дацан** — монастырь.

Не добраться до барона,
Охраняют вход штыки.
Над дверями три дракона
Кажут злые языки.

На кошме, усы вздувая,
От разбоя пьян и сыт,
Ноги накрест подгибая,
Как божок барон сидит.

Перед ним склоняясь, ламы[1]
По четыре дня подряд
В страхе бьют об землю лбами
И молитвы говорят.

А вокруг огней мерцанье,
В чашах пенистых черно,
В честь барона жгут в дацане
Благовонное зерно.

Извиваясь, пламя пляшет,
Но в глазах барона мгла:
Перед ним сплелись на чаше
Змеи, жабы и тела.

Он глядит на них сурово...
Вдруг в дацан к нему в пыли

---

[1] Ламы — монахи.

Большевистского, живого.
Командира привели.

Сняли все с него бандиты.
Под конвоем бос и гол,
Весь прикладами избитый,
Распрямляясь, он вошел.

Руки, скрученные туго,
Штыковой на шее знак...
Поглядели друг на друга,
И сказал барон: «Ну как?

Что поделать мне с тобою?
На расклюв отдать орлам,
Но орлы клюют, что с бою
Добывают по холмам.

Псам отдать — съедят на славу,
Не уйти от их резцов,
Но дают им на расправу
Лишь монгольских мертвецов.

Сжечь — огня не стоит шкура,
Утопить — вода в цене,
Расстрелять, да пуля-дура
Пригодиться может мне.

Изрубить, как тварь, на части,
Но тебе, брат-большевик,

Улыбнулось, видно, счастье:
Нужен дюжий мне денщик.

Нам играть не стоит в прятки:
Я хочу, чтоб по стране
Слух прошел о том, что пятки
Коммунисты чешут мне.

Отвечай, пока не поздно
Денщиком согласен ты?» —
И горит, сверкая грозно,
Взор вороней черноты.

Стонет поле под шурганом[1],
Замело вокруг пути,
Пьет барон, в разгуле пьяном
Ламам в пляс велит итти.

В бубны бьют они со звоном,
Сладкий дым летит в эфир,
И стоит перед бароном
В нижней паре командир.

Борода давно не мыта,
Чуб курчавый запылен.
«Денщиком быть у бандита?» —
Усмехнулся даже он.

---

[1] Буран.

Поглядел, как ламы люто
В хламе, вытертом до дыр,
В бубны бьют, и почему-то
Вспомнил детство командир...

Небо в птичьей перепалке,
Земляники сладкий сок,
В узелке висит на палке
Хлеба поданный кусок.

По селу идет скиталец,
Замирает птичья трель,
Указательный свой палец
Тычет в небо журавель.

Перед окнами бродяга
Остановится, и вот
Папиросная бумага
На гребенке запоет.

Про лучину, про разлуку...
Бабам жалко, невтерпеж,
Подойдут, положат в руку
На зуб пробованный грош,

Сирота, мол, и без крова...
Вдруг в могильной тишине
Командир сказал сурово:
«Развяжите руки мне.

Много дней они не мыты,
Затекли со всех сторон».
И когда ему бандиты
Развязали руки, он

Улыбнулся и без страха,
Описав рукой кольцо,
Со всего плеча, с размаха
Ахнул Унгерна в лицо.

Покачнулся, дрогнул бровью,
Полетел, как под уклон,
И на землю вместе с кровью
Зубы выплюнул барон.

Там, где песня плавно льется,
Будит давние дела,
У студеного колодца
Баба сына родила.

Где в степях колосья хлеба
Засыхают без дождей,
Где летят копыта в небо
Околевших лошадей,

Окружен степным простором,
Дымной славою обвит,
Под седым Улан-Батором
Сын ее спокойно спит.

Вечный сон ему не страшен...
Для него сквозь дождь и град
С четырех кремлевских башен
Звезды светлые горят.

Их поводит ветром слабо.
Он свершил свои дела —
Тот, кого когда-то баба
У колодца родила.

1936

О МОЛОДОСТИ, О РОДИНЕ!

ЭСТАФЕТА БОДРОСТИ

Говорят,
Пройдут года.
Пусть проходят —
Ерунда!
Ну и что же,
Если даже
Поседеет борода?

Разве страшно
Быть седым?
И седыми
Не сдадим.
Все в своих
Пороховницах

Держим порох мы
Сухим.

Если дрогнут
Бубенцы,
Полетят
Во все концы,
Подхлестнув себя
Хвостами,
Удалые жеребцы.

Перейдя
Давным-давно
На колхозное
Зерно,
Петушок,
Расправив перья,
Пустит
Радугу в окно.

Ты степную пыль
Развей,
Чернобыльный
Суховей,
От Балтийского
Бурьяна

До кубанских
Ковылей.

Пусть,
Пересекая лбы,
На глаза
Ползут чубы.
С одного цветка мы
С вами,
Лепестки
Одной судьбы.

Я по-польски
Буду Ян,
По-французски
Буду Жан,
По-английски
Буду Джон,
А по-русски —
Я Иван.

Разве дело
В именах?
Вытянусь
На стременах,
Если в Дон
Нырну поглубже —

В рейнских
Вынырну волнах.

Перед бюргером
Любым
Притворюсь я
Водяным,
Опоясанный
Три раза
Патронташем
Боевым.

Знаю я,
Что нет границ
В синем небе
Среди птиц.
Я по-русски
Буду Федор,
По-немецки
Буду Фриц,

Потому что
Все равно —
Рейн и Дон
Сольем в одно;
Будет им
Одно названье,

Русло общее
Дано.

И по рельсам
Ясных вод
Нас, наверно,
Повезет
От Ростова
До Берлина
С первым рейсом
Пароход.

1934

РОДИНА

Разве можно свой край не любить,
Отвоеванный саблей бывалой,
Где ты рос, где ты стал запевалой,
Самолет научился водить.

Где ты в бурю не раз на штурвал
Клал без страха тяжелую руку,
Где ты все: и любовь, и разлуку,
Сладость славы и дружбу узнал.

Много стран есть на свете других,
Те же птицы там в воздухе реют,
Те же зерна там в яблоках зреют,
Те же косточки в вишнях тугих.

Но такая, как наша, одна.
Всю её омывает волнами,
Вся она в полный рост перед нами,
Озаренная солнцем видна.

Ходит слава по нашей стране
Про того, кто стоит у кормила,
Чья работа, чья жизнь вспламенила
Искры, спавшие долго в кремне.

Он, как ветер с далеких широт,
Он, как высшее в мире искусство,
Он, как мысль, перешедшая в чувство.
Движет нас неустанно вперед.

1936

ДЕТСТВО

Холодные луны,
Песчаные дюны.
Когда-то нам снились
Шотландские шхуны...

Когда-то, бывало,
Мечта нас кидала
От мыса Надежды
До гребней Байкала...

С мальчишеским граем
За дряхлым сараем
Мечтали мы в гости
Бежать к самураям.

Вот пес пестроногий,
Вот дом мой отлогий,
Как колокол смолкший,
Лежит при дороге.

Сейчас с поворота,
Как птица с отлета,
Увядшие крылья
Раскинут ворота.

Я вижу наследство
Веселого детства:
Забитый колодезь
И лес по соседству.

Без прежнего жара,
Без струн, без загара,
Удавленным другом
Повисла гитара.

Помет воробьиный
Засыпал рябины,
Друзей не нашел я
У волчьей ложбины.

Кто сгинул за Доном,
За вражьим кордоном,
Подкинув папаху
На память воронам.

А кто торопливо
Сорвался с обрыва,
Вплетая черемуху
В конскую гриву.

А самый кудрявый,
Опутанный славой,
Стучался прикладом
В ворота Варшавы.

И где-то за срубом,
Под взорванным дубом,
Припал он к земле
Нерасчёсанным чубом...

. . . .

. . .

. . . .

Холодные луны,
Рябые буруны.
Опять мне приснились
Шотландские шхуны...

1929

РАЗГРИМИРОВАННАЯ КРАСАВИЦА

Женщина
С огромною
Прической,
Должен я сознаться,
Что, по сути,
Ты мне тоже
Нравилась
Чертовски
В детстве
На фарфоровой посуде.

В блюдечке —
За небольшую
Плату —
Ты бежишь
К реке
На деревяжках,
Расползлись
По твоему халату

Золотые пчелки
И букашки.

Твой любимый,
Человечек
Едкий,
Хитрое,
Вертлявое
Созданье,
На фарфоре
Под вишневой веткой
Назначает он
Тебе
Свиданье.

Сжата злая
Выпуклая
Челюсть.
Губы,
Как у хищника,
Упруги.
Плеч твоих
Фаянсовую прелесть
Обнимают
Обезьяньи
Руки.

Где сейчас он?
Может быть,

Он умер
На песках
Манчжурии
В атаке?
Или ходит
В новеньком костюме,
В том,
Что сшил портной
Из Нагасаки?

Задремал
Облитый
Светом лунным
Домик твой
Бамбуковый,
Старинный.
По нему
Скользнула
Наша юность
Длинной
Серой тенью карабина.

Много лет
Мы не встречались
Взглядом —
Наша юность
Парнем смуглолицым
По фарфору
Стукнула

Прикладом
И пошла шататься
По границам...

Женщина
С огромною
Прической.
Пчелок
Золотое окруженье,
Ты хотела
Этим хитрым лоском
Обмануть
Мое воображенье.

Но давным-давно
Ты не такая,
Хоть и уверяешь,
Как когда-то,
В том,
Что танки
На полях Китая
Лишь букашки
С твоего
Халата.

1933

ПУТЕШЕСТВИЕ В АВСТРАЛИЮ

Над местностью лесистой
Летели журавли.
Два юных гимназиста
В Австралию пошли.

Они из книг узнали:
За морем и так далее
Всем идолам верна
Австралия,
Австралия,
Дикарская страна.

Идут от луга к лугу —
Австралии все нет,
Мерцают над Калугой
Металлы всех планет.

Литыми зеркалами
Пруды вокруг горят,

Собаки кандалами
Без устали гремят.

И бубенец бесплатно
Забился под дугой,
Зовет, зовет обратно
Валдайчик дорогой.

Шли к мельницам обозы
Крестьянского зерна;
Наверно,
С той березы
Австралия видна.

Из мужиков не ехал
Никто в сторонку ту,
Летающие мыши
Крестили темноту.

Послышался
Недобрый,
Сухой,
Лягавый щелк:
Хвостом считая ребра,
Шел остромордый волк.

Два парня с перепугу
. . . .
Большой воды луна.

Калуга, ты, Калуга,
Родная сторона!

Забрались на березу
И видят в том краю,
Откуда
Шли обозы,
Австралию свою.

Шумят ветра глухие
Про давние дела...
Да, кое-где в России
Австралия была.

Она не вся, конечно,
Австралией звалась,
В ней о свсбсде вечной
Мечта потом сбылась.

Но кое-где, по скатам,
С зари и до зари
Друг друга
Крыли матом
По-русски дикари.

Вот лес
Висит на сваях,
И сваям все равно —
Пусть мужики

В сараях
С баранов рвут руно.

Там шьют себе
Тулупы
Под колокольный звон.
Там снова
Козьим трупом
Запахнет самогон.

На праздник
Парням зубы
Повышибает гром,
И тестя
Зять зарубит
Пудовым топором.

И перед тем, как с миром
Его положат в гроб,
Намажут рыбьим жиром
Усы, ладони, лоб.

Там никому нет дела,
Что горбилась в тоске,
Что сотни лет висела
Земля на волоске.

Там никому не надо
Ни песен,

Ни стихов.
Ой, ладушки,
Ой, ладо,
Ой, дудки пастухов!

С сохою деревянной
Несутся через рвы
Кобыла Еруслана
И жеребец Бовы.

Австралия!
Здесь гусли
Еще гремят кругом,
Здесь Марс
Зовут Марусей,
Юпитера — Петром.

И в каждом доме
Чинно
Встал в человечий рост
Веснущатый мужчина —
Интеллигент-Христос.

Глядит
На всех он странно,
Решили неспроста
Усами тараканы
Защекотать Христа.

И ангел
С церкви сонной
Всю ночь летит в зенит,
Как будто станционный
Там колокол звенит.

Столетние мотыги
Рвут жилы из земли.
Нет,
Парня два
Не в книге
Австралию нашли,

Нашли не там,
Где ливня
Ждут черные рабы,
Где слоновым бивнем
Дробят друг другу лбы.

Нашли ее в округе,
Во ржи,
В траве,
Во мхах,
От царской от Калуги
В семнадцати верстах.

. . . .

С тех пор прошло немного-
Всего семнадцать лет,

В стране по всем дорогам
Мы проложили след.

Мы Врангеля лупили
У южной полосы.
Юденичу спалили
Аршинные усы.

Чтобы людей на льдине
Спасало много рук,
Чтоб не было в помине
Австралии вокруг.

Чтобы от луга к лугу
Шли песни в перезвон.
Калуга, ты, Калуга,
Передовой район.

1930

Н. Котомину

СТРОФЫ О ЛЕНИНЕ

Если спать
Твой ребенок ляжет,
Стебелек,
Который лелеют,
Разбуди — он тебе расскажет
Про того, кто спит
В мавзолее.

Этих глаз
Высоту простую,
Этот лоб,
Широкий и гладкий,
Он по памяти нарисует
В темносиней своей тетрадке.

Хоть в рисунке
И тьма изъянов,
Но невольно придешь в волненье:
Подпись та же —

Сначала Ульянов,
А потом, уже в скобках, — Ленин.

Это имя, как солнце, греет,
В каждом лучшем
Живет примере,
В стратостате,
Который реет
В фиолетовой стратосфере.

И воздушным путем
И водным
Мы прошли под дождем
И градом,
Чтобы Днепр стал
Судоходным
И Царицын стал
Сталинградом.

Чтобы сквозь поля
И заставы
С грузом хлеба,
Свинца и стали
Наши слаженные составы
Шли по правильной магистрали.

Люди дань отдают
Природе.
Он упал,

Как боец в сраженьи,
Но попрежнему он приводит
Миллионы сердец
В движенье.

И стараться будут веками
Песни
В каждом призывном кличе,
Гипс
И бронза,
Гранит
И камень
Передать нам его величье.

1935

РОМАНТИКА

Александру Жарову

ПРОЩАНИЕ С ЛУЖЕЙ

Когда вступал я
В жизнь большую
И был неопытен и мал,
Я только
Лужу дождевую
В мечтах своих
Переплывал.

Теперь
Под небо голубое
К морям направился мой путь.
Давно хотелось
Из прибоя
Мне кружкой пену зачерпнуть,

Услышать гул
Морского вала,
На легкой лодке
Плыть в туман.
И я кричу еще с вокзала:
«Налейте море мне в стакан!»

И сразу шторм
Мне прямо в спину
Хлестнул пожарною струей,
А лужа
Обнажала тину:
Грач выпивал ее порой.

Я знал,
Что дождик в нетерпеньи
Опять
Ее наполнит вслух.
И вновь
В индийском опереньи
Над лужею
Взлетит петух.

О солнце,
Мне теперь не хуже!
До позвонка меня прогрей.
Я жижу
Нашей пресной лужи

Смог променять
На соль морей.

Что море —
Мы его разроем,
Посеем рожь
На самом дне.
Бок о бок трутся
Волны с воем,
У каждой чайка на спине.

Какие волны,
Что за диво?
Настанет час,
И дни придут,
Когда в пивной нам,
Вместо пива,
В бутылке
Море подадут.

Ах, лужа,
Мир тебя обидел,
Копытом конь
Тебя разбил!
А здесь
Скала стоит,
Как идол,
Который тоже богом был.

И я,
Прожилками расписан,
Гляжу на светлый небосклон.
Чем заслужил я
Эти выси,
Лекарство
Этих синих волн?

Лежим
К прибою головами,
А чайки нас зовут туда,
Где броненосцы
Кандалами
Бьет
Бесноватая вода,

Где ждут
Зажженные запалы,
Где за решетками
Друзья.
А ну-ка, братцы,
Шторм — в бокалы,
И чокнемся
Через моря!

1929

СКРИПАЧ

На улице шопот и жалобный плач —
Играет на скрипке горбатый скрипач.

И старое сердце у скрипки в пыли,
И тихие струны давно отцвели.

Но скрипка, как дряхлая верная мать
За юных и дальних могла горевать.

Знакомые звуки, прохладный родник,
До самого сердца он сразу проник.

Застыли летящие птицы вдали.
Прохожие мимо пройти не могли.

Кудрявый ребенок пройдет и замрет,
Печально раскрыв очарованный рот.

И скрипка играет, и струны в пыли,
Утрачена юность, и годы прошли.

И только смычок говорит: «Я пою
За юных и дальних, погибших в бою.

За тех, кто рыдал у родимых могил,
За тех, кто полюбит, и тех, кто любил.

За тех, кто в Берлине не спит по ночам,
Кто в черные руки попал к палачам».

Прохожие слушают, ветер затих,
Весеннее солнце глядело на них.

Вот вор, что сегодня задумал украсть.
Чужая жена, продающая страсть.

Вот бедная мать, вот усталый отец.
И струны добрались до этих сердец.

И каждый подумал, что скоро и он
Услышит рыданье своих похорон.

У каждого горе, у матери сын,
Что где-то по свету блуждает один.

Бежал он от крепких, железных оков,
От кровью обрызганных штурмовиков.

И струны сказали: «Сейчас запоем
О дальнем, блуждающем сыне твоем».

И пели, и вытер слезу под конец,
О дочери вспомнив, усталый отец.

Давно за тюремной решеткой она
Весенние ночи проводит без сна.

Скрипач утомленный откинул смычок.
Кто бросил копейку, а кто пятачок.

И, через минуту исчезнув вдали,
Прохожие в разные стороны шли.

К ребенку спешила угрюмая мать,
Рабочий работать, купец торговать.

Но желтые струны молчать не могли
И долго неслышно рыдали в пыли...

1932

ОТ БЕССОННИЦЫ

Кони ржали у калитки,
Он прошел через загон.
На плечах лежали слитки
Шитых золотом погон.

А за ним,
Дразня зубами,
В светлом отблеске штыка
Шли, с волнистыми чубами,
Два бровастых казака.

В этот час ей показалось,
Где-то, между
Трех берез,
Я, босой, забыв усталость,
Навсегда к земле примерз.

В этот час она гадала,
Рылась в соннике она,

Где я был,
Куда кидало
Мелового скакуна.

Помню, волны Чертороя
Мне под сердце подошли,
И не слышал я,
Как трое
В нашу горницу вошли.

«Слушай, девка,
Ноет тело,
Ты одна —
Совсем добро!»
И у шашек запотело
Боевое серебро.

«Трое нас, нам отдых нужен».
На скале, покрытой мхом.
Злой орел, окончив ужин,
Клювом чешет под крылом..

Рваный лай собак сонливых;
На столе, вздувая пар,
В ноздреватых переливах
Брызнул медный самовар,

Засвистел зубчатым краном.
Проползали через лбы

И двоились по стаканам
Черносливные чубы.

Самовар стоял, как идол,
И бренчала в нем вода.
Хорошо, что не увидел
Я во сне ее тогда.

Только сердце захотело,
Чтобы слышал я сквозь сон,
Как над нею зазвенела
Бронза взорванных погон.

В те года я был далече,
На коне, в глухом гаю
Ворон сел ко мне на плечи,
Сглазил молодость мою.

В те года у ржи зеленой
Плоть томилась без росы,
В те года еще Буденный
Отпускал себе усы.

. . . .

Это сказка, это небыль,
Это сон мне тему дал,
Ни в каких боях я не был,
И никто меня не ждал.

1929

РОМАНТИКА

Завыли пятнастые псы
Еще далеко до рассвета.
Как за̀мок старинный,
Часы
Стоят за кроватью поэта.

И кто-то
У струнных тенет
По за̀мку старинному шарит,
То медные гири качнет,
То в колокол глухо ударит.

И древние струны дрожат,
Ржавеет
За датою дата,
Две черные пики лежат
На белом щите циферблата.

Как можно забыть навсегда
О том, что написано в книге?

Опять я, не зная куда,
Плыву
На заброшенном бриге.

Безусый
Курчавый матрос,
На палубе занятый делом,
Я в жаркой Аравии рос,
Скитаясь на ослике белом.

Я мог бы матросом не слыть
И плечи
Беречь от загара, —
Никак мы не можем проплыть
Проклятый пролив Гибралтара.

На рубке стоит капитан,
Предчувствием черным
Томимый.
Он знает рябой океан,
Как знаем мы голос любимой.

Стоит он,
Тяжелый, как дуб,
Нечесаны рыжие баки,
И трубку не вырвать из губ,
Как кость у голодной собаки.

Куда нас судьба довела?
А ветер,

Сметающий дюны,
Валы накалил добела
И бросил навстречу буруны

Свистящий
Морской водоем
Раскрыл
Раскаленные краны.
Мы золото
В трюме везем
Из Индии
К Темзе туманной.

Матросы собрались кругом
И смотрят в подзорные дула.
Ударил об головы гром,
И буря
С затяжкой
Вздохнула.

Горохом рассыпался град.
Мы тонем.
Мы путаем миги,
Ныряем,
Плывем наугад
На пахнущем крысами бриге.

Но в этот расколотый час,
Срывая

Намокшую блузу,
Я крикнул:
«На бриге сейчас
Не место тяжелому грузу!»

Мой голос
Мне горло рассек.
Матросы рванулись угрюмо.
Тяжелый, как дуб,
Человек
Навстречу им вырос у трюма.

«Назад! — закричал он. —
К рулю!
Еще мы не смыты рассолом.
Я золото сдам
Королю,
Он ждет нас
За бронзовым молом».

Ударил нам в ноздри туман.
Мы тонем.
Мы думаем думу.
Как дьявол, стоит капитан
У входа
К закрытому трюму.

Я вышел,
От злобы дрожа.

Над мачтами лопались тучи,
В руке моей
Отблеск ножа
Кометою брызнул колючей.

Упал он,
Рассыпался чуб.
Завыли валы, как собаки,
И кровь,
Выбегая из губ,
Обуглила рыжие баки.

Смешалась заря с темнотой, —
Три ночи в дикарском уборе
Кидали мы груз золотой
В шипучее
Скользкое море.

Подкинул нас взболтанный вал,
Ныряя в разлив океана.
За слитком последним
Упал
Раскинутый труп капитана.

Я встал у разбитых перил,
Покорный морскому рассолу.
Наш бриг облегченный поплыл
Навстречу
Туманному молу.

. . . .

Рассвет.
Загремел барабан
Под белым щитом циферблата,
Когда дочитал я роман
Про бурю,
Про море,
Про злато.

Пора за работу, поэт!
На рейде
Завыли сирены.
Пришел синеватый
Рассвет
И вымыл на улицах
Стены.

Над булочной
Два маляра
Рисуют ржаную ковригу.
Как мог я
Читать до утра
Такую старинную книгу!

1929

О ЛЮБВИ И РАЗЛУКЕ

ЧЕКИСТКА

Притворяться мне не пристало, —
Как я рад,
Что увидел ту,
У которой должны кристаллы
Занимать свою чистоту!

С этим трудно не согласиться,
Это в каждой
Пряди волос,
Это в каждой крапинке ситца
Кофты, трогательной до слез.

Почему, — он, наверно, спросит,
Этот парень

Со стороны, —
Пробивается рано проседь
У чекисток нашей страны?

Тот, чьи губы молчанье лижет,
Держит сердце в руках тугих, —
Те планеты,
Что к солнцу ближе,
Обгорают раньше других.

И винить я ее не стану, —
Никуда эту соль ни деть,
Потому что ей неустанно
Надо в дуло врага глядеть.

Но в смертельном поединке
С темной силою
Всей земли
Наши девушки,
Как снежинки,
Сохранить чистоту смогли.

Почему же,
Как говорится, —
Или молод я, или глуп, —
Я боюсь перейти границы
Этих радостно сжатых губ?

И строку мою сразу сводит,
И в словах моих

Дрожь видна,
Будто пью я сырую воду,
А в стакане не вижу дна.

Что ж, наверно, нельзя иначе,
Отвечаю я здесь втройне,
Потому что солгать ей — значит
Все равно,
Что солгать стране.

1933

НА ЮГЕ

Перед нами море штормовое,
Волны черноморские в прибое.
Может быть, сейчас на целом свете,
Как глаза, у матери нас двое.

Бьется белый парус на просторе.
Ты письмо мое бросаешь в море.
Пусть его дельфины прочитают
И разделят с нами наше горе.

Кипарисы на тропинке горной,
Вы по вашей должности дозорной
Знаете, как нежно подружились
Мы за месяц жизни санаторной.

Ветром из абхазского аула
Быстро наша радость промелькнула,
Наступил печальный час разлуки:
Ты из Пензы, я из Барнаула.

Дышит море, полное борьбою.
Мы стоим одни лицом к прибою
И глядим, как волны на прощанье
Озаряют пеной нас с тобою.

Нам почти под сердце подбегала
Пена закипающего вала.
Может быть, за будущую встречу
Ты в глаза меня поцеловала.

Я вздохнул с тоской, и ты вздохнула.
Много ясных дней с тех пор минуло,
Почему же поездом курьерским
Еду в Пензу я из Барнаула?

1936

РАЗЛУКА

Снова руки на весла кладу.
Снова с песней сдружиться желаю...
Через Шилку, Онон, Ингоду[1]
Я неслышно к тебе подплываю.

Сколько дней, сколько вьюг, сколько лет.
То, как дым, промелькнешь и растаешь,
То, как свежий, нетронутый след,
Ты опять на снегу вырастаешь.

Через эту глубокую падь,
Через снежную тундру разлуки,
Я к тебе простираю опять
Омулями пропахшие руки.

Здесь олени, тайга и Байкал,
Ветер входит сюда, как обычай.

---

[1] Название рек.

Здесь орлы над обрывами скал
Чистят клювы, готовясь к добыче.

Здесь артели сплавляют плоты...
На ресницах мороз оседает...
В полосе вековой мерзлоты
Я не думал, что сердце оттает.

Не тоскуй, ты со мной все равно,
Пусть пространства лежат между нами —
Это лишь прорастает зерно
Через снег, через лед, через камень.

И недаром напомнила мне
Облик твой в черноморском загаре
Злая девушка, что в Шахтоме
Моет золото на бутаре.

В ней тебя я увидел на миг,
Но, блеснув. ты растаяла скоро,
Как цветок, что расцвел и поник
Возле озера Цаган-Нора.

Я один, я в степи при луне —
Под сиянием северной ночи.
Надо мной на кривом тагане
Кипяток, заливаясь, хохочет.

Если даже я сбился с пути —
Мне укажут тропу старожилы...

Я ищу, я обязан найти
Новых слов не открытые жилы,

Новых песен, что льются легко,
Под сугробами, снегом и льдами.
Залегают они глубоко
Вместе с золотом на Алдане.

Никого — только эхо в ответ...
Сон разлуки протяжен и долог.
Потому что советский поэт
Как разведчик живет и геолог.

1935

ДЕВУШКЕ

Ты живешь во мне, не остывая,
Ты сумела стать моей судьбой.
Гордая, высокая, простая,
Что мне делать? Как мне быть с тобой?

По ночам твой легкий стан мне снится,
Без тебя вокруг такая мгла.
По ошибке ты, моя синица,
Вместо моря сердце подожгла.

Я тебе мое бросаю слово,
Но в ответ не слышу ничего
И печально прохожу я снова
В трех шагах от счастья своего.

1936

МЕЧТА

Ты стояла в цветном платке
У облупленного фасада.
Как в аквариуме,
В лотке
Плыли рыбки шоколада.

И косынка,
И профиль твой,
Нос, который
Боится стужи,
Даже локон твой завитой
Целый день
Отражались в луже.

Целый день промечтала ты.
Дождь прошел,
Промывая дали.
В вуз бежали твои мечты,

Но по адресу
Не попали.

Дорогая, не робей,
Побеждается все борьбою,
Даже серенький
Воробей
Может землю унесть с собою.

Ночь повеяла холодком,
Забираясь под одеяло.
Та, которая
За лотком
На Пречистенке торговала.

Не смыкала ресниц опять
Над тетрадками
До рассвета,
Чтоб скорее студенткой стать
Медицинского факультета.

Я стоял, я себя корил,
Я пролеткам глядел в колеса,
У лотка твоего курил
Мою первую папиросу.

Дым на шапку мою осел,
Под рубаху забрался

В складку.
У лотка твоего
Я ел
Мою первую шоколадку.

Пролетели года,
Как дым,
Снег на улицах
Снова тает.
Умереть таким молодым
В наше время
Не подобает.

Я борюсь
За свою судьбу.
Я гляжу
В глубину могилы,
Но холодный компресс на лбу
Наполняет прохладой жилы.

Докторам нельзя ворожить,
И один говорит другому:
— Я ручаюсь вам,
Будет жить, —
«Будет жить» — донеслось
Сквозь дрему.

Исполняются все мечты:
Кофта ситцевая,

Простая,
Надо мной наклонилась ты,
Учащенный мой пульс считая.

1930

ЛЮБОВЬ

Есть родинки,
Царапинки,
Отметки.
Купаешься,
Но их не смоет вал.
Я тот,
Который
В первой пятилетке
Впервые
Девушку поцеловал.

Тот день
Гудки
Отметили салютом,
Свистели мне:
—Парнишка,
Не робей...
С любимой
Даже самый сердцелютый

На пять минут
Становится добрей.

Я думал,
Просто балуются парни.
Мол, сердце —
Это мускулов комок,
Чтоб член бюро,
Оратор
И ударник
Вдруг покраснеть
Перед девчонкой мог!

Но подвело,
Как говорится,
Сердце.
Поди теперь
И жалуйся
В ЭМКА.
Вот не могу
В глаза ей
Насмотреться,
Хочу глядеть,
Хоть в скважину замка...

Когда она
В тот раз сказала:
«Здравствуй»,
Когда я кепку

Перед ней сорвал,
Я сразу же подумал,
Что с бровастой
Держаться надо мне
На интервал.

Боялся,
Чтоб от дел
Не оторвала.
Ну, скажем просто.
Без высоких слов:
Когда между двумя
Нет интервала,
То, значит,
Начинается любовь...

Вот и за мной
Она пришла, братишки...
Голубка,
На помине вы легки.
Одну девчонку
Комсомольской стрижки
Однажды
Облепили мотыльки..

Пушистые
И пестрые,
Как праздник,
Присели ей на плечи

И сидят.
Рванулся я,
Чудило-парень,
Азия...
Я думал —
Мотыльки ее съедят.

Кто видел, как
От их цветного роя
Бежали мы
По кочкам
И по пням?
Трава
Своей зеленой муравою
Ботинки
Зашнуровывала нам.

Ну, а потом
Один парнишка
Хлесткий
У нас в пролете
Взял
И поднял звон.
Ее прозвал он
Валькою Милосской,
А я стал —
Бельведерский Парамон.

Есть родинки,
Царапинки,

Отметки.
Купаешься,
Но их не смоет вал.
Я тот,
Который
В первой пятилетке
Впервые
Девушку поцеловал.

1932

ПРОЩАНИЕ

Хорошо
На свете жить,
Пограничником
Служить!
Мне к ногам твоим
Не жалко
Кудри черные
Сложить.

Скоро им
Придет конец —
Их обрежет
Ротный спец;
Красной армии
В походе
Нужен стриженый
Боец.

Расставанья час
Настал,

Ветер в уши
Засвистал.
Выпью воду
Из колодца,
Чтобы голос
Чище стал.

А вода там —
Словно хмель,
А над нею
Птичья трель.
На одной ноге
Шагает
Прямо в небо
Журавель.

Не ходи
Вокруг моста,
Не гляди,
Как сирота.
Лучше в рот возьми
Малину,
Чтоб не чуять
Соль у рта.

Бродит ворон
У ворот,
На родном наречьи
Врет:

— Тот, кто любит,
Тот голубит,
На прощанье
Слезы льет.

Ты не верь ему,
Вралю.
Часто говорят:
«Люблю»
Те, которые
Не знают,
Сколько верст
От Л. до Ю.

Разве стоит
Горевать?
Посмотри:
Родная мать.
Вышла в новом полушалке
До заставы
Провожать.

Ей слеза
Ресниц не жгла.
Хороши
Ее дела —
Сына, ладного какого,
Красной армии дала.

Будет он,
    Ее сынок,
Ворошиловский стрелок.
    Спустится
На парашюте,
    Взяв повыше потолок.

На границе
    Будет он
Охранять наш труд
    И сон.
Там, где людям подпевает
    Только ветер в унисон.

Хлынул дождь.
    При свете дня,
В колокольчики
    Звеня,
Принесут письмо
    Без марки —
Это, значит, от меня.

Улыбнись
    Еще хоть раз,
Все равно
    От этих глаз
Мне шинелью не укрыться,
Не уехать
    На Кавказ.

1933

О КОМСОМОЛЕ

ОДА МОЛОДОСТИ

Я парнишка
Чернобровый,
Мне плоты гонять
Добро бы.
Мне бы видеть,
Как в волне
Лес висит вниз головою,
Как скользит
Стальной иглою
Сонный сом
На глубине.

Вот его
Вспугнуть готов

Я, широкой кости парень
Двадцати пяти
    Годов.

Ростом
    Малость
        Я не вышел;
Мне бы вырасти
    Повыше,
Мне бы погрузней
    Кулак...
Так, чтоб
    Если только
        Стукнешь,
На глаза клади
    Пятак.

Я парнишка
    Чернобровый,
Мне плоты гонять
    Добро бы.
Мне бы Волгой плыть
    Рекой,
Мне бы полный вес
    Болванки
Поднимать
    Одной рукой.

Но, чудак,
    В Стране советской

Я долблю
Язык немецкий,
И английский
Я долблю,
Чтоб сказать тебе:
«Их либе»[1],
Чтоб сказать тебе:
«Ай лов-ю»[2],
Прежде чем
Сказать «люблю».

Это слово,
Как ни странно,
На язык
На иностранный
Переводится легко.

Но живут слова,
В которых
Смысл запрятан
Глубоко.

Есть слова,
Что переходят
Прямо в динамит
И в порох!

[1] Я люблю (по-немецки).
[2] Я люблю (по-английски).

Из какой они породы,
И откуда они родом,
Те слова,
Что переводят
Только вольным
Переводом?

Скажем:
Кенигсберг
И Киев,
Оба города,
Какие
Начинаются на ка,
Но два разных
В них порядка
И два разных
языка.

В Кенигсберге скажут:
«Дождик».
Киев переводит:
«Град».
В Кенигсберге скажут:
«Бюргер»,
Киев переводит:
«Гад».

Есть слова
Различной пробы.

Мне английский знать
Добро бы,
И немецкий
Тоже мне
Пригодился бы
Вполне.

Легче с ним
По всем широтам.
По морям,
Морям широким,
Проходить
И вплавь
И в брод.

Ведь на всех
Долготах света,
От Тамбова
До Тибета,
От Калуги
До Канады,
Наше здорово берет.

Я парнишка
Чернобровый,
Мне в карьер нестись
Добро бы,
Тень моя
Чтоб в Дон легла

И хотела бы из Дона
Выскочить,
Но не могла.

Так, чтоб
Свист
Летел из уст,
Чтобы мне
Семен Буденный
Отдал свой
Роскошный ус.

Чтобы сам
Увидел я,
Как на стременах
Привстала
Гордо молодость моя.

Молодость!
Вот это козырь!
Молодость
У нас во всем —
В поле
С шелковым овсом,
В молодом
Зерносовхозе,
В пожилом
большевике,
В ласточке,

Что над рекою,
В скользкой щуке,
Что в реке.

В том,
Что я тебе не лгу,
Если надо будет,
Знаю,
Как за обручем,
Родная,
За тобою
Побегу.

Лишь шепну я
Сгоряча:
«Чья ты?
Иль ты
ничья?»
В той траве,
Что мы примяли
У Бочарова ручья.

Наша молодость,
Ребята,
Вытянулась
В полный рост,
Пахнет солью,
Хлебом,
Мятой,

Шашкой достает
   До звезд.

Если смерть
      Придет нас сватать,
На плешину ей
      Чихать!
Пусть же, братцы,
      Не придется
Никогда нам
      У колодца
От одышки
      Отдыхать!

1933

КОМСОМОЛЬЦАМ

Друзья мои,
Пронзил нас теплым светом,
Нас выняньчил,
В цеха и в штольни ввел,
Нам указал маршрут,
Дал эстафету
Наш самый лучший друг —
Наш комсомол.

И мы росли,
И мы следить старались
Со всех широт,
Со всех долгот земли,
Чтоб с ленинской
Великой магистрали
Случайно стрелки нас
Не отвели.

Пускай наш путь трудней,
Зато он ближе...
Нам нужно
Больше нефти и сырца,
Но мы нашли горючее,
Что движет
Без остановки
Песни и сердца.

Наш путь туда,
Под самое
Под солнце, —
Оно у нас
Мечтает жар занять.
Меняет цвет земля,
Меняет лен цвет, —
Пора порядок
На земле менять!

Мы — выплавка
Одной огромной домны,
Один и тот же
Ветер нас мотал,
На нас на всех
Пошел новорожденный,
Открытый Октябрем
Цветной металл.

Нас не купить
За доллары, за кроны.
Мы отстоять
Сумеем свой Чапей.
Мы выросли,
Нарушив все законы,
Без голода,
Без тюрем,
Без цепей...

Мы выросли,
В борьбе не зная грани.
Кипят ковши
Расплавленных пород.
Двигатели внутренних сгораний
Будут вечно двигать нас
Вперед.

Оглохла даль
От нашего набата.
Шеренги наши
С каждым днем людней.
Земля не может
Повернуть обратно,
Раз столько нас,
Раз мы уже на ней...

Они горят —
Счастливые расцветки
Весенних наших
И веселых глаз.
Идем мы, те,
Кто в первой пятилетке
Еще побрились
Только в первый раз.

Шагаем мы
От Пензы до Канады,
Через лесные дебри и пески.
Мы первые,
Кому скрывать не надо
Ни радости,
Ни злобы,
Ни тоски.

Не видно
В чувствах наших
Равновесья.
Оно нам, может быть,
И не дано.
Но первыми
Мы запеваем песни,
Сердца и мозг в которых
Заодно

Друзья мои,
Пронзил нас теплым светом,
Нас вынянчил,
В цеха и в штольни ввел,
Нам указал маршрут,
Дал эстафету
Наш самый лучший друг —
Наш комсомол.

1932

СТИХИ О ВЕТЛУГЕ

Уходят дни,
Как вдаль рыбацкий парус.
Кривой комбриг,
Мы ждем команд твоих.
Налей мне щей,
Кудрявый каптенармус,
Полкотелка
Довольно на двоих.

Журбенко, друг,
Твой нос едят веснушки,
Ячмень в глазу
И на щеке рубец.
В орешнике
Подохшие кукушки,
Их нюхает
Голодный жеребец.

Послушай,

Мой товарищ бледнолицый.
Мне третий день
Мерещится сквозь дым
Пятнастый лоб
Убитой кобылицы,
Две лупы глаз
С натеком голубым.

Не спится мне,
Ресниц я не смыкаю.
Пока вчера
Смотрел я на луну,
Вниз головой
Упал начдив Чапаев
С обрыва
В набежавшую волну.

Я хлеб жевал,
Пил воду из бутылки,
Но было мне
Почувствовать дано,
Что в это время
С пулею в затылке
Он погружался
Медленно на дно.

Журбенко, друг,
Присядем за кустами.
К привалу нас

Тропинки привели.
И кони ржут,
По ребрам бьют хвостами,
Копытами
Колотят ковыли.

Два года мы
С тобой не мылись в бане,
Заели вши,
И надоело мне
Ногтями
Щелкать их на барабане
И до крови
Царапать по спине.

Вчера был бой.
От сабель было серо.
Кривой комбриг
Махал нам рукавом.
Я зарубил
В канаве офицера,
И у него
В кармане боковом

Нашел я книжку
В желтом переплете.
Ее писал
Какой-то Карамзин.
Две ласточки

Сидят на пулемете,
И на кустах
Лежит мой карабин.

Журбенко! Брось
Напрасно ложкой звякать.
Цветет крыжовник,
Зреет бузина,
Давай читать,
Давай читать и плакать
Над этой книжкою
Карамзина.

Друзья мои,
Мы завтра в бой поскачем,
Отточен штык,
В нагане цел заряд.
А вот сейчас
Над девушкой мы плачем,
Обманутой
Сто лет тому назад.

Но к чорту все!
От птичьего помета,
Трехгранный штык,
Ты посерел опять,
И кружатся,
И возле пулемета
Две ласточки

Хотят заночевать.

Им все равно,
Их к югу гонят вьюги.
Журбенко! Слышишь
Ржанье кобылиц?
Лежим в траве;
Ты о своей Ветлуге
Опять плетешь мне
Сотни небылиц.

Ах, милый враль,
Какие небылицы!
Засыпан свод
Соринками планет.
Ветлугу
Называешь ты столицей,
А там, чудак,
Фонтана даже нет!

Фонтана нет,
Но каланча какая!
Весь мир видать.
Сиди,
Смотри в окно,
Увидишь ты,
Как, духов выкликая,
В Константинополе
Играют в домино.

Довольно врать!
Довольно про Ветлугу!
А он плетет
И все плести готов.
В Ветлуге он
Поймал в пруду
Белугу,
Белугу девятнадцати пудов.

В Ветлуге парни
Любят до восхода
Играть на струнах
Из овечьих жил.
Сам Пушкин
До семнадцатого года
У них простым
Аптекарем служил.

Рассвет,
Луна в засахаренном круге
Закрой глаза.
Что сон тебя неймет?
Ах, милый враль!
Забыл я,
Что в Ветлуге
Еще твоя
Марусенька живет.

Нет, не живет!
На желтой душегубке

Ее увез
Курносый атаман.
Он целый час
Курил,
Копался в трубке,
Усы вертел
И был, наверно, пьян.

Ее уж нет,
Она теперь далече,
И некому
В Ветлуге за углом
Из форточки
Бросать тебе навстречу
Голубя
С запиской под крылом.

. . . .

Армейцы спят,
И кружатся планеты.
Я из нагана
Выпалил заряд,
Но что со мной?
Журбенко!
Где ты, где ты?
Все это было
Много лет назад.

И я сейчас один,
Без патронташа.

Лежит на крыше
Зимняя слюда.
Как мог я позабыть,
Что дружба наша
В двадцатом
Оборвалась навсегда?

Не думал я,
Что там, в дыму и вьюге,
Свинчатка пули
Может сделать так,
Что не увидишь ты
Своей Ветлуги
И в трубке вдруг
Погаснет твой табак.

Да, это было все
Перед рассветом.
Кривой комбриг,
Зови меня опять.
Прошли года,
Но тот, кто стал поэтом,
По сто очков
Умеет выбивать.

Прошли года,
Но кровь не помутнела.
Страна моя,
Я все отдам тебе,

Чтоб только ты
Плодами зеленела,
В кларнеты дула
И звала к борьбе.

1929

ИЗ ПОЭМ

«ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО МАНИФЕСТА»

I

Ободранный альбом,
Прет из обшивки вата,
Двух ободков
Обточенная медь,
И ласточка с эмали синеватой,
Раскинув крылья,
Хочет улететь.

Она жила
В десятилетьях оных.
И жил поэт
С большим красивым лбом,

Писал стихи
О яблоках моченых
И аккуратно
Заносил в альбом.

Не думал он
Над тем, что будет завтра,
Чем жизнь хлестнет,
С земли сдувая сор,
Он отдал все бы
За кусок ландшафта
С лиловыми натеками озер.

И он копил по каплям
Стих свой веский.
Вокруг гремят...
Ползет ночная муть...
Сосульки,
Как кинжальные подвески,
Слетают с крыш,
Чтоб землю ранить в грудь

Двадцатый век...
Играют дети в прятки,
И девушка
В тюрьму несет букет,
И смотрит
Пожелтевший Куропаткин
С коробки
Трехкопеечных конфет.

Окутанная
Черной рясой дыма
Встает страна,
Свистит над нею кнут,
И ноги в ноги —
Прямо из Цусимы
Утопленные боцманы плывут.

Они стучат всю ночь
В его поэмы
И кортики заносят на стихи:
«Пиши про нас, поэт!»
Но строфы немы,
Но рифмы,
Как убитые, глухи.

Они лежат
Без сердца.
Без рассудка...
Поэт, истлел
Альбом твой расписной!
Тебе была Венерой —
Проститутка,
Мадонной —
Девка с площади Сенной.

Я перерыл
Стихов твоих траншеи,
Но там твоей эпохи не нашел...

Войди, поэт!
И он с платком на шее,
Сдувая перхоть с плеч,
Вошел...

Ты жил в те дни,
Ты рисовал не плохо
Амурчиков,
Взлетающих с дудой,
А рядом шла
На каторгу эпоха
С веревкою на шее молодой.

Уже в те годы,
В те большие дни
Речная гладь страны
Пришла в движение.
Казалось,
Только руку окуни, —
И сабли рыб
Рука твоя заденет.

Но прежде чем, земля,
Ты стала дыбом,
Пока проснулись люди
Для борьбы,
О сколько крови
Вышло вместе с дымом
Из горла каждой
Заводской трубы!

Поэт,
Но я,
В твоих поэмах роясь,
Не нахожу об этом ни строки.
Стою,
Заткнув ладонь свою за пояс
И ненависти
Приподняв курки.

И вдруг нашел я
Строчку-паутину
О Ленине,
О славе наших дел:
«Сегодня встретил
Странного мужчину...
Он говорит —
Борьба его удел...»

И это все о нем!
Случайным словом
Обмолвился и затворил окно.
Тебе в те дни
Столкнуться с Ивановым
Иль с Лениным
Казалось все равно.

А я бы отдал
Многое на свете,
В любой конец

Билет бы я добыл,
Чтобы его тогда
В Казани встретить,
Когда еще
Ульяновым он был

Пройдут года...
От Пензы до Памира
Сольется труд
Заводов и полей.
Куда-нибудь
На середину мира
Перенесут гранитный мавзолей.

Поэт, ты жил
С ним на одной планете
В те дни, когда
Бил барабан борьбу
И ветер дул.
Ты мог под этот ветер,
Как парус подставлять
Свою судьбу.

Какое счастье жить
В начале ледохода!
Ты мог бы звать к борьбе,
Ты мог бы бить в набат,
Твой стих бы мог стоять,
Как пушка у завода,

Чтоб охранять
Героев наших дат.

Но от борьбы бежал,
От нищетой изглоданных
Певец,
Что четверть века жил назад.
Так длинноспинный пес
Мчит от волков голодных,
Хвостом подстегивая
Свой трусливый зад.

Теперь гроша
Его не стоит лира,
В утильсырье ее!
Пора ей сгнить.
Поэт хотел
Противоречья мира
Гармонией природы
Подменить.

II

Дрожит земля
От пушечных раскатов.
Борьба идет,
Не дремлет воронье.
И голосую я
За пересмотры штатов

Поэтов,
О веках,
Оставивших вранье.

Из тысячей из них,
Встающих из курганов,
Усыновим мы тех,
Кто там,
В разливах мглы,
Боролся с ветром,
Спорил с ураганом,
Нам песнями
Сшибая кандалы.

У многих славы нет,
И юность можно вычесть...
Но был один, —
Всю жизнь
Он бомбы рифм метал,
И памятник ему
Давно пора бы высечь,
Но бронзу экономит
Главметалл.

. . . .

Некрасова
Не видел я в металле...
На пьедестал
Пускай восходит он
За то, что песнь его

В борьбе мы нагнетали.
Она звала вперед,
Как гнев зовет,
Как стон.

Поэты,
У веков стоящие
На бирже,
Мы многих чтим из вас
За звон,
За стих тугой.
Но он роднее нам,
Из вас из всех
Он ближе,
Из дорогих
Он самый дорогой.

Его засыпали года
Вороньим карком,
Устал он от побоев
И рубцов.
Иди, Буденный,
Обуздай
На Триумфальной арке
Всех разъяренных жеребцов!

Кто на хребте коня
Не выглядит моложе?
Там, на Большом театре.

Конница гнедых.
Сам Аполлон,
Наматывая вожжи,
Сняв фиговый листок,
Сегодня прет на них.

На тех, кто говорит,
Что не поэт,
А шуллер
Он, обманувший
Двух каких-то вдов,
Он, кто всю жизнь ходил
Под рифмой,
Как под пулей,
Под револьвером
Песенных ладов.

О чем бы ни писал он, —
Этот гений,
Какой бы жизни пласт
Не обнажил,
Все образы его
И все сравненья
Наполнены
Горячей кровью жил.

И до сих пор
Доносится сквозь годы
Его надрывный стон

И смех родной.
Он жив, поэт,
Сухой, остробородый.
С подагрою
И с жабою грудной.

О чем бы ни писал он, —
Про шаланды,
Иль про мужицкий
Горький водоем,
Или о том,
Как нежно пахнет ландыш,
Когда его
Сорвут вдвоем,

О кандалах тюремных,
О больнице,
О мужике,
Что умирал в овсе,
О молодой в медовый месяц
Жнице,
Удавленной на собственной косе, —

Везде он наш,
Где запевал он с лаской,
Где, оглушая громом,
Брал басы.
Пусть говорят,
Что ездил он в коляске,

В шампанское
Обмакивал усы,

Что не носил
Рабочую он блузу,
Не сеял рожь
В густых пластах земли.
Кто видел,
Как некрасовскую музу,
В участке
Полицейские секли?

Кто видел, как ее
С жандармом пьяным,
Раздетую,
Через страну вели?
Кусок луны
Над висельным арканом.
С боков помост
Хватают ковыли.

Туберкулез
Ей горло
Кровью залил,
Но жизнь,
Но гнев
Не выкачал из жил,
Ее когда-то
Верой Фигнер звали,

И Ленин с нею
В юности дружил.

Поэты,
Позабыли ли про это вы?
Устали ли
От рифменного груза?
Она идет на вас,
Разутая,
Раздетая,
Кнутом истерзанная муза.

Она идет,
Поэты...
Бросьте вздохи!
Кто пишет, в стих
Вселяя волчий вой,
Кто зайцем убегает от эпохи,
Под рифму юркнув,
За эпитет свой,

Кто сам в себя,
Как в старый погреб, лезет,
Кто рифмами,
Все рифы обойдя,
Поет о том,
Как пляшет на железе,
На крыше
Дробь стоствольного дождя...

Как можно петь,
На все словами целясь,
Когда не вся земля
Еще в цвету,
Невежество
Мильонам сводит челюсть
И судорогой
Ходит по хребту?

Поэты
Мастерством себя натерли,
Понять ли им
При легкости грачей,
Что сотни Одиссей
Застряло в горле
Неграмотных бородачей.

Нам,
Песенным работая насосом,
Накачивать бы воздух
Для страны.
Чтоб не могли
Опять застрять колеса
В проселочных ухабах
Старины.

По селам ветры
Хлопают холстами.
Подняла изгородь

Слоновые клыки,
И лают псы,
Стегая тын хвостами,
На нас обрезы
Греют кулаки.

Борьба идет...
Должны мы петь,
Как надо,
Чтоб кровь у нас,
По жилам пролетя,
Дошла,
Как у рабочих Сталинграда,
До градусов
Мартенного литья.

Поэты,
Постигающие тайны,
Он короток,
Ваш песенный аршин...
Вам бронтозаврами
Покажутся комбайны.
Ах, дорогие
Знатоки машин!

Вам о машинах петь,
Об аммиаке,
Иль о цветке,
О травке —

Все равно.
В стихи десяток
Свежих рифм
Наплакав,
Полслитка образа
Пустив на дно,

Подробно описав
Стальную тушу,
Какая в ней
Длина и ширина,
Вы из нее
Сумели вынуть душу,
А без души
Кому она нужна?

Стоять в сторонке,
Рифмами бряцая,
Быть летописцем Нестором сейчас,
Страну в смертельной схватке
Созерцая,
Смотреть с иронией,
Как класс
Идет на класс.

Глядеть, как люди
Бьют друг друга лбами,
Не узнавать
Ни друга,

Ни врага...
Стоят волы
С широкими губами,
Как два штыка,
Вонзив в навоз рога.

Клещами рифм
Их ущипнуть бы злее,
Кинжал строки
Им засадить бы в бок!
Стволами труб
Заводы тяжелея,
Нацелились
По небесам в висок.

Пиши, о чем ты хочешь,
Без запинки:
О девушке,
О дымке из трубы, —
Во всем, во всем
И даже в этой дымке
Есть электроны
Классовой борьбы.

Мне двадцать три...
Есть в сердце неполадки,
Не надо раньше времени
Стареть.
И локон,

Нарисованный в тетрадке.
Мне никакой резинкой
Не стереть.

И я бы мог
Всю жизнь
Следить за тучей,
Царапать логово
Своих подземных дум,
Петь и грустить
О ней, о самой лучшей,
Уехавшей куда-то
За Батум.

Но только я
Всегда
И всюду помню,
На чей на берег
Я гребу,
Чтоб слово в шахту шло,
В каменоломню,
Чтоб песнь
Вооружала на борьбу.

1930

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «БЕЗУСЫЙ ЭНТУЗИАСТ»

Друзья!
Я живу на шестом этаже
И вижу пейзаж
Из окна я:
Налево — аптека,
Направо — ТЭЖЭ,
Наискосок — пивная.

Я вывесок вижу
Цветные миры,
С наплывами синими
Буквы;
И в буквы
Накапали маляры
Кусочки моркови
И брюквы.

У каждой вывески
Собственный стиль.

На этой —
Волны без края,
С маркой «Азвина»
Тонет бутыль,
Горлышком в пену ныряя.

На той —
Лежит себе на песке
И смотрит
В мутные дали
Желтый,
С дырками на носке
Один огромный сандалий.

В сандалий уселся
Усатый пилот,
Летит,
И, друзья мои,
Спорю:
Сейчас он опустится
И поплывет
В сандалии
По Черному морю.

Сапожник, наверно,
Хотел доказать
(И это по вывеске видно).
Что можно в сандалии
Плыть

И летать,
И даже носить
Не обидно.

Пока я читаю
Эдгара По
И булку жую
Со смаком,
Старушки
Из булочной МСПО
Выносят бублики с маком.

Ах, бублики с маком!
Кому-то даны
И хлеб,
И тужурка на вате.
Я в детстве носил
До коленок штаны
И бублик вертел на шпагате.

Вертел,
Но всегда меня голод глодал.
С истерзанным
Блохами боком
Я с детства
По очереди голодал
С Пушкиным,
С Тютчевым,
С Блоком.

Блок
Был тогда
Мой любимый поэт.
Был он —
Моя
Стихотворная школа.
Помню, вызвал
Политпросвет
Меня
В уком комсомола.

Гречневой кашей
Пахнущий мат
Меня оглушил,
Как гром ломового.
Передо мной
Разъяренный Марат,
Которому не дали слова.

Двадцатилетний
Политпросвет,
Он рад прицепиться
К каждому крюку,
Он даже хотел
Завести жилет,
Чтоб было куда
Закладывать руку.

А рядом
За важной работой сидел

(Потела на лбу
С волоском бородавка),
Как рыжий алхимик.
Сидел
Управдел
И накалывал
Мух
На булавку.

Со старомодного лубка,
Цвета бухарского малахая.
Калинин сидит
У земляка
В творожном Торжке
За чаем.

Я подошел поближе
И сел,
Сел
И брови

Поднял высоко.
— Скажи,
У тебя на стенке висел
Портрет
Какого-то Блока?

Это совсем
Небывалый уклон, —
Скатишься

. К желтому Амстердаму. —
Клювами
Две головешки ворон
С разлета
Ударились в раму.

Клювами — в лужу,
В осеннюю смесь.
Тополь
Стряхает
Траур картавый.
— Либкнехта
Вместо него повесь!
И наш,
И курчавый.

Либкнехта
Лучше бы почитал.
Это тебе
Не Блок и не Пушкин...

Марат говорил,
А я считал
На его носу
Веснушки.

Ветер
Из книги раскрытой
Унес
Высохший стебелек

Незабудки.
И заливался
Лаем пес,
Цепью прикованный
К будке.

А за окном
Профсовет от дождя
Выглядел
Пеной
Обмытым мысом.
Марат хотел
Походить на вождя,
Мечтал быть седым
И лысым.

Но полысеть
Никак он не мог.
Помню, бежал я
Домой из укома
По переулкам,
Брезгливый бульдог
Гнался за мной
До самого дома.

Блок — это мой
Любимый поэт,
Это поэт высокого тока.
Где он,

Уездный политпросвет,
Так ненавидевший
Блока?

Может быть, время,
Пройдясь по усам,
И до него
Сумело добраться?
Может, теперь
Читает он сам
«Скифы»,
«Возмездье»,
«Двенадцать»!

О, возраст
Подписей завитых!
Рогаткой
Сшибаю ворону,
Учу биографии
Древних святых
По пыльному
«Декамерону».

О, где эти годы
Уездных
Проказ?
Неужто, друзья,
В самом деле

Теперь я не с вами,
И сам
В первый раз
Побрился
На этой неделе?

И в глиняной кружке
Запахло опять
Черемуховым
Букетом.
Любимая,
Многое нужно,
Чтоб стать
Простым
Густокровным
Поэтом.

Стихами
Не буду я знаменит,
Как были поэты
Когда-то.
Мне просто припомнился
Дряхлый Ирбит
И профиль
Василья Марата.

Где он?
В какой он сейчас стороне?
С какого собрания

Едет?
Это поэма
Обо мне
И о моем
Соседе.

1928

СОДЕРЖАНИЕ

В дыму и славе

О молодости, о родине!

Романтика

О любви и разлуке

О комсомоле

Из поэм

Редактор И. Уткин
Технический редактор Б. Новиков
Корректор Л. Петрова
Художник Г. Рифтин

Зак. изд. 451. Инд. Х-40. А 52. Тир. 5000
Уполномоченный Главлита № Б-34236
Отпечатано на бумаге Красновишерского
бумкомбината имени Менжинского
Формат бумаги 82×110 в 1/32 долю
10 печ. л. 6,68 учетно-авт. л. 5,93 авт. л.
Сдано в производство 19 октября 1936 г.
Подписано к печати 27 декабря 1936 г.
Цена книги 2 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к.

Калуга, тип. Мособлполиграфа Зак. 2875